

тины полисемии и динамической порождающей силы валентности. Валентность есть созидательная мощь подчиненных ей семантических элементов, а не просто семантическое и статистическое их перечисление. И тем не менее валентность содержит в себе четкую разграниченность подчиненных ей элементов. Это дает основание некоторым авторам понимать лингвистическую валентность как поддающееся количественному определению свойство слова [см. 7, с. 46]. Дело, однако, заключается не столько в количественном определении свойств слова (иной раз оно столь велико, что не поддается математическому исчислению), сколько именно в смысловом различении отдельных смысловых элементов, которые всегда соблазнительно понять как нерасчлененную массу. Между тем из общей валентности отдельные семантические элементы появляются не только в различной, но всегда и в точно различаемой форме, которую, впрочем, не всегда удастся точно формулировать ученому-лингвисту.

Валентность и сочетаемость — тоже очень близкие термины, поскольку валентность также указывает на некоторого рода объединение языковых элементов. Но сочетаемость в обычном смысле слова предполагает семантическую статику каждого из сочетаемых элементов, в то время как валентность требует их семантического становления. Так, например, падежная форма, взятая как валентность или как ее результат, все равно предполагает дальнейшее дробление и уточнение сочетаемых элементов. Если категория родительного падежа в данном языке сочеталась с определенным значением, то это не значит, что такое значение падежа постоянно и неподвижно. Оно тоже является принципом для дальнейших структурно-семантических сочетаний. Родительный падеж является не только одним из многочисленных элементов валентности падежа (ведь разных падежей существует в языках очень много), но и сам обладает валентностью в отношении различных выявляемых им элементов. Так, в латинском языке мы говорим не только о родительном падеже, но и о родительном принадлежности, родительном качества, родительном количества, родительном разделительном, родительном субъекта или объекта и т. д. Поэтому и сочетаемость такого рода падежей в латинской речи, взятая сама по себе, есть понятие статическое, но взятая как порождение слов с более общей валентностью, уже перестает быть статикой и тоже начинает обладать валентностью в динамическом смысле слова.

Но имея в виду валентность слова как указание на его изменяемость, ни в каком случае нельзя сужать этой языковой валентности. Так, например, парадигматическая изменчивость слова, основанная на внесении каждый раз какого-нибудь нового элемента в исходное семантическое сочетание, тоже является понятием достаточно статическим в сравнении с той общей валентностью, о которой мы говорим.

Чтобы как-нибудь обозначить ту большую смысловую потенцию, которая заложена в слове «валентность», необходимо придумать для нее такой термин, который исключал бы всякий намек на пассивный характер и на статику семантических элементов, проистекающих из языковой валентности. Таким названием нам представляется **с м ы с л о в а я з а р я ж е н н о с т ь**. Только с таким пониманием валентности она может быть введена в науку в виде чего-то вполне реального и в то же самое время в виде чего-то безусловно нового. Поскольку часто приходится изучать языки не из живого разговора, но из книг о языке, из грамматик, то язык может представляться содержащим в себе свод тех или иных неподвижных правил, исключения из которых тоже обычно представляются в очень статическом виде. Кроме того, и словари, даже самые подробные, только в самой ничтожной степени отражают подвижность и смысловую заряженность содержащихся в них слов и вообще языковых элементов.

Но живой язык вовсе не состоит ни из каких правил и ни из каких исключений. Можно быть совсем неграмотным и прекрасно говорить на том или ином языке. Уже самый простой разговор одного человека с другим,